

Глава 11

— Гуй... — Му Циньчуань инстинктивно потянулся к своему клинку.

— Ммф!

Цзян Чэньчжоу тут же зажал ему рот и втащил на кухню.

— Заткнись.

Му Циньчуань вырвался и выглянул из кухни. Его племянник, ни о чём не подозревая, обнимал чёрного пса-гуй и с любопытством «смотрел» в их сторону.

Гнев и ужас смешались в душе Му Циньчуаня.

— Ты с ума сошёл? — прошипел он. — Держать гуй в качестве домашнего питомца! А если эта тварь заразит моего племянника? Даже если и нет, она же может его напугать!

Цзян Чэньчжоу холодно взглянул на него:

— Успокойся.

— Как я могу успокоиться?!

Му Циньчуань был на грани срыва. Он был уверен, что его зять не умеет воспитывать детей, но чтобы дать ребёнку в игрушки настоящего гуй...

Цзян Чэньчжоу ничего не сказал, лишь развернул его лицом к выходу.

Цзян Юаньмяо, обнимая чёрного пса, подошёл к дверям кухни и, подняв голову, спросил:

— Папа, что с дядей?

— Он впервые тебя видит и очень разволновался, — мягко ответил Цзян Чэньчжоу.

Цзян Юаньмяо рассмеялся:

— Дядя забыл? Мы же не в первый раз встречаемся.

И с ехидством добавил:

— В прошлый раз дядя был очень злой и даже хотел меня ударить.

— Вот как, — Цзян Чэньчжоу поднял сына на руки. — Это возмутительно. Не признавай его, пока он как следует перед тобой не извинится.

— Да-да, и перед папой пусть тоже извинится, — Цзян Юаньмяо твёрдо встал на сторону отца.
— Иначе я его не прощу.

Наблюдая, как зять промывает мозги его племяннику, а тот вторит ему с безжалостной жестокостью, Му Циньчуань почувствовал, как его сердце разрывается на части.

— Малыш, дай мне объяснить...

— Не буду слушать! Сначала извинись перед папой!

— У меня были веские причины...

— Сначала извинись перед папой!

— На самом деле я...

Видя, что эти двое вошли в раж, Цзян Чэньчжоу дёрнул уголком рта и, кашлянув, прервал их:

— Сяо Мяо, пойдёшь поиграть в гостиной. Мне нужно поговорить с дядей.

— Хорошо, — послушно согласился Цзян Юаньмяо.

Мячик-антистресс под диваном был забыт. Теперь любимцем Цзян Юаньмяо был Ванчай. Каждый день он расчёсывал его, стараясь, чтобы щенок был идеально чистым.

Через некоторое время слышались шаги.

Цзян Юаньмяо поднял голову и плотно сжал губы. Он умел различать шаги и знал, что это не отец, а его непутёвый дядя.

Он не догадывался, что его пухлые щёчки, надутые от обиды, выглядели невероятно мило.

Му Циньчуань не удержался и легонько ткнул пальцем в одну из них.

Шлёп!

Цзян Юаньмяо рассердился ещё больше.

— Плохой дядя!

— Гав! — Ванчай, пользуясь покровительством хозяина, оскалился и зарычал на Му Циньчуаня.

Тот смущённо отдернул палец и сел на корточки перед мальчиком.

— Тебя зовут Сяо Мяо, верно? Позволь представиться, я Му Циньчуань, твой родной дядя.

Цзян Юаньмяо молча смотрел на него. Его глаза были тёмными и бездонными, подёрнутыми лёгкой дымкой.

Му Циньчуань знал, что он ещё не видит, но всё равно почувствовал себя неловко и потёр нос.

«Ему ведь всего три года, — подумал он. — Понимает ли он вообще, что я говорю? В три года дети только начинают ходить в детский сад. Может, он даже не знает, кто такой дядя».

— Ну-ка, скажи «дя-дя». Повторяй за мной: дя... дя...

Цзян Юаньмяо подумал, что его дядя, должно быть, дурак. Ему уже три года, как он может не уметь говорить «дядя»?

— Ты извинился перед моим папой?

Му Циньчуань кашлянул:

— Извинился. Твой папа меня уже простил. А Сяо Мяо простит дядю?

— Ну ладно, так и быть, прощу тебя на этот раз, — Цзян Юаньмяо улыбнулся. — Но ты должен пообещать, что больше никогда не будешь обижать папу.

Му Циньчуань вскинул бровь, чувствуя укол досады.

— Твой папа — вылитый тираннозавр. Кто его обидит? В прошлый раз он избил меня так, что я неделю с койки встать не мог.

Услышав это, Цзян Юаньмяо тут же надулся и, отвернувшись, принялся играть с собакой, игнорируя надоедливого дядю.

Как бы Му Циньчуань ни пытался его задобрить, мальчик не обращал на него никакого внимания. А когда тот стал слишком назойливым, просто повернулся к нему спиной.

— Гав! — оскалился Ванчай, словно тоже насмехаясь над ним.

Обстоятельства были сильнее его. Му Циньчуань почувствовал себя несчастным и решил, что сейчас главное — терпеть и добиваться расположения племянника, а с его зятем он разберётся позже.

— Хорошо, я обещаю больше его не обижать, — со слезами на глазах пообещал он. Вспомнив все побои, полученные от Цзян Чэньчжоу за эти годы, он почувствовал горечь.

Только тогда Цзян Юаньмяо поднял голову.

— Тогда договорились. Дядя, давай на мизинчиках.

Мальчик протянул пухлый мизинчик.

Му Циньчуань сцепил с ним свой палец и покачал. «Ох, ну почему мой племянник такой милый? Совсем не похож на Цзян Чэньчжоу. Наверное, весь в Юань Ся. Вот она, наша кровь!»

Как бы ему забрать племянника к себе? Му Циньчуань так увлёкся этой мыслью, что не хотел отпускать его палец.

Цзян Юаньмяо отдернул руку. Перемирие было заключено, и он проявил дружелюбие:

— Дядя, хочешь поиграть со мной в дочки-матери? Я буду папой, ты — мамой, а Ванчай — нашим малышом.

Взгляд Му Циньчуаня упал на чёрного пса. Он невольно скривился. Уродливый до невозможности.

И что за вкус у Цзян Чэньчжоу?

— Сяо Мяо, дядя знает, что ты любишь собак, поэтому я специально выбрал для тебя самую

умную. Хочешь погладить?

— Спасибо, дядя, но у меня уже есть собака, другая мне не нужна, — отрезал Цзян Юаньмяо и в подтверждение своих слов поднял чёрного пса.

Му Циньчуань не сдавался:

— Это бордер-колли, чёрно-белый, очень умный и симпатичный. Точно не хочешь погладить? Может, он тебе понравится.

Разве гуй может сравниться с настоящей собакой? Стоит племяннику поиграть с бордер-колли, и он сразу поймёт разницу.

На мгновение Цзян Юаньмяо заколебался.

Ванчай понял, что дело плохо. Какая-то другая собака пытается занять его место! Так не пойдёт.

Охваченный тревогой, он принялся вылизывать ладонь Цзян Юаньмяо и тереться о него всем телом.

Цзян Юаньмяо тут же твёрдо отказался:

— Дядя, забери его себе. Мне нужен только Ванчай.

— Гав-гав! — благодарно тьякнул Ванчай.

Му Циньчуаня это вывело из себя. Что за наглая собака, и какие грязные приёмы!

Прищурившись, он снова заговорил:

— Но Ванчай такой уродливый. Ты точно не хочешь подумать?

Цзян Юаньмяо разозлился. Этот дядя совсем не умеет разговаривать. Неудивительно, что его так легко использовали, заставив своих же бить, и он стал оружием в руках тех, кто преследовал его отца.

— Дядя, как ты можешь так говорить? — Цзян Юаньмяо, подражая тону отца, нахмурил брови.
— Ванчай очень хороший. Он самая красивая собака в мире.

— Гав! — молчаливо подтвердил Ванчай.

— Чёрный, как уголь, что в нём красивого? — хмыкнул Му Циньчуань.

Мало того, что чёрный, так ещё и весь пропитан аурой гуй. Глаз и носа не разберёшь, только огромная пасть наводит ужас. Цзян Чэньчжоу просто пользуется тем, что племянник слеп. Если бы он мог видеть, какой ребёнок полюбит такую мёртвую собаку?

Ему нужно было срочно убедить мальчика сменить питомца, иначе, когда зрение вернётся, племянник первым делом расплатится от страха при виде этого пса.

Цзян Юаньмяо уловил в его голосе пренебрежение и разозлился ещё больше.

— Неправда! Я каждый день купаю Ванчая, он очень чистый, совсем не чёрный.

— Не чёрный? — Му Циньчуань хотел было возразить, но замер.

— Ванчай белый, белоснежный, — гладил пса Цзян Юаньмяо. — У него длинная шерсть, она немного путается, но я каждый день её расчёсываю. У него круглые чёрные глазки и розовый носик.

Му Циньчуань был потрясён.

— Какого, ты говоришь, он цвета? — напряжённо переспросил он.

— Конечно, белого. Белоснежного, — уверенно повторил Цзян Юаньмяо. В его представлении Ванчай был очаровательным самоедом. Сияюще-белым!

— Ванчай очень милый. Дядя, у тебя что, со зрением плохо?

В голове Му Циньчуаня прогремел гром. Он широко распахнул глаза.

Только что, прямо на его глазах, чёрный пёс, источающий ауру гуй, претерпел невероятную трансформацию.

Густая тёмная аура исчезла, чёрная шерсть стала белой, багровые глаза почернели, и у него даже появился розовый нос!

Секунду назад любой зрячий человек мог бы с уверенностью сказать, что это не собака, а гуй.

Секундой позже белый щенок ластился к его племяннику, и вся аура гуй бесследно исчезла.

Даже Му Циньчуань, одарённый S-класса, не мог найти никаких отличий.

Он с силой протёр глаза.

— Мне показалось?

— Дядя, ты что, близорукий? Папа говорит, что при близорукости нужно носить очки.

Цзян Юаньмяо решил, что у его дяди серьёзные проблемы. Если он с метра не может различить чёрное и белое, то у него, должно быть, минус двадцать.

— Похоже, дяде и вправду пора заказать очки, — после долгого молчания смог выговорить Му Циньчуань.

Бросив взгляд на белого пса, он с мрачным лицом вошёл на кухню.

Он специально установил барьер.

— Этот гуй превратился в белую собаку. Что происходит?

Цзян Чэньчжоу, помешивая суп, попробовал его на соль и ничего не ответил.

Му Циньчуаня осенило. Он быстро достал портативный детектор и направил его на Цзян Чэньчжоу. Раздался писк.

[Уровень загрязнения: 66. В пределах контролируемого диапазона.]

Сердце Му Циньчуаня подпрыгнуло. Шестьдесят шесть! В тот год, когда погиб Юань Ся, Цзян Чэньчжоу, потеряв контроль, впал в ярость. Его уровень загрязнения тогда приближался к девяноста. Как он мог восстановиться до шестидесяти шести?

Уровень в шестьдесят шесть был ниже, чем у большинства одарённых в Бюро.

Теперь понятно. Понятно, почему Цзян Чэньчжоу все эти годы постоянно проникал в гуй-миры, похищал артефакты и даже пожирал гуй-предметы, но при этом сохранял разум.

В Бюро подозревали, что он нашёл способ сдерживать загрязнение. Оказалось, этим способом был его племянник.

Му Циньчуань подумал о своём уровне загрязнения, который уже превысил семьдесят и приближался к восьмидесяти, и его охватили смешанные чувства.

— Так вот какой секрет ты скрывал.

Цзян Чэньчжоу отложил ложку и, обернувшись, сказал:

— Он мой ребёнок и заслуживает полноценной, свободной жизни, а не прозябания в лаборатории.

— Но его способности бесценны.

— Он ещё слишком мал. Я его отец и обязан его защищать. Всё остальное — когда он вырастет и сможет сам принимать решения. Кто посмеет этому помешать, того я убью, — сказал Цзян Чэньчжоу так просто, словно обсуждал меню на ужин.

Му Циньчуань хотел возразить, но он слишком хорошо знал методы Бюро. Стоит им узнать об аномальных способностях ребёнка, как за этим последует тотальный контроль. Тесты, анализы крови, вскрытие, различные экстремальные испытания — всё это было стандартной практикой в лабораториях.

Разум и чувства вступили в яростную схватку. Му Циньчуань замолчал.

Спустя долгое время он с трудом произнёс:

— Я дал клятву. Я ничего не выдам.

— Спасибо, — кивнул Цзян Чэньчжоу.

<http://bllate.org/book/13420/1194697>